

Крепнут силы мира и разума

Эти шестнадцать дней войдут в историю советско-индийских отношений, не в историю борьбы за мир. Шестнадцать дней проведет в Советском Союзе мужественный борец за дело мира, посланец великого индийского народа — Джавахарлал Неру. Тринадцатидесять километров проехал Неру по Советскому Союзу. Государственные деятели, рабочие и артисты, колхозники и ученые — все советские люди с любовью и дружной любовью принимали господина Неру. Руководитель индийского правительства высоко оценил гигантские усилия нашего народа, нашего государства в борьбе за социализм, за дружбу и доверие между народами, за мир.

21 июня. Митинг в Москве на озаренном солнцем стадионе «Динамо». Человек с седыми висками в белой конгрессовской шляпке подходит к микрофону. «Где бы я ни был в Советском Союзе, — говорит господин Неру, — я всегда находил страстное стремление к миру... На меня произвели глубокое впечатление великие достижения Советского Союза. Я видел преобразование этой огромной страны, достигнутые благодаря трудолюбию ее народа и великому стремлению, которое движет его вперед по пути улучшения его собственных условий. Я восхищен музыкой и танцами, а также непревзойденным балетом, который я видел...»

Пребывание господина Неру в СССР завершилось подписанием документа исторического значения — Совместного Заявления Председателя Совета Министров СССР Н. А. Булганина и Премьер-министра Индии Джавахарлала Неру.

Три месяца назад я вернулся из Индии, где побывал с делегацией советских деятелей культуры. В этой стране я еще острее почувствовал, что Индия во всем своем сложном многообразии бесконечно близка нам, советским людям. И поэтому естественно возможным, закономерным представляется нам это путешествие Дж. Неру по нашей стране: закрепление дружбы наших народов актом государственного, международного значения. Совместное Заявление нашего правительства и советских людей и индийцев, чудесных людей, с которыми нам посчастливилось встретиться в дни нашего пребывания в этой удивительной и волнующей великой стране. Вот они стоят перед моими глазами, эти бесчисленные друзья нашей страны, друзья мира. Вот они протягивают нам свои руки, а в руках цветы, которые они нам передают как дар своей души. Я знаю, они так же счастливы, как и мы, тем, что главы правительств наших великих стран нашли подлинно общий язык в желании отстоять мир на земле.

Совместное Заявление основано на принципе возможности мирного сосуществования и сотрудничества государств с различными социальными и политическими системами. Сами советско-индийские отношения служат наилучшим подтверждением справедливости этого ленинского принципа.

Какая мать, глядя на своего играющего ребенка, не испытывает безграничной благодарности к государственным деятелям, которые от имени двух великих — двухсот- и четырехсотмиллионного — народов твердо и всесоюзно заявили: «По мнению Председателя Совета Министров и Премьер-министра, ничто не должно стоять на пути введения полного запрещения производства, испытаний и использования ядерного и термоядерного оружия. Вместе с тем они считают, что должно быть проведено одновременное и значительное сокращение вооружений обычного типа и что должен быть установлен и поддерживаться дейст-

венный международный контроль для проведения в жизнь такого разоружения и запрещения. В этой связи последние советские предложения по вопросам разоружения были восприняты как существенный вклад в дело мира».

Премьер-министр Индии Дж. Неру и руководители Советского правительства в ходе дружественных бесед обсудили широкий круг вопросов, представляющих взаимный интерес для обеих стран. Они затронули крупные проблемы современной международной обстановки. И выяснилось самое важное, самое ценное — взаимопонимание и единство взглядов по ряду вопросов, имеющих важнейшее значение для разрядки международной напряженности. Совместное Заявление указывает, что главная надежда на то, чтобы изгнать страх и недоверие из сознания народов и тем самым ослабить международную напряженность, заключается в соблюдении государствами в их взаимоотношениях следующих принципов:

- взаимное уважение территориальной целостности и суверенитета друг друга; ненападение;
- невмешательство во внутренние дела друг друга по каким-либо мотивам экономического, политического или идеологического характера;
- равенство и взаимная выгода; мирное сосуществование.

В Заявлении не только констатируются причины международной напряженности, но и намечаются практические пути для их устранения. Н. А. Булганин и Джавахарлал Неру вновь подтвердили свое убеждение в том, что непрерывно повторяющийся отказ допустить Китайскую Народную Республику в ООН лежит в основе многих осложнений на Дальнем Востоке и в других районах. Они считают необходимым предоставление Китайской Народной Республике ее законного места в Организации Объединенных Наций; этим самым роль и авторитет ООН были бы укреплены.

Совместное Заявление заложило фундамент для дальнейшего укрепления дружбы между народами Индии и СССР. Председатель Совета Министров СССР и Премьер-министр Индии будут стремиться развивать и укреплять отношения между своими двумя странами в экономической и культурной областях и в области научных и технических исследований.

Совместное Заявление, сказал Джавахарлал Неру перед отъездом, является символом нашей дружбы и наших взаимоотношений, залогом нашего будущего сотрудничества.

Этот исторический документ подписан в дни, когда в Хельсинки люди разных стран и убеждений сошлись для того, чтобы заявить о воле народов дружить между собой и отстоять всеобщий мир. В эти же дни в далеком Сан-Франциско прозвучала полная миролюбивая речь В. М. Молотова на юбилейной сессии ООН.

Крепнут и множатся силы мира и разума! Все более и более настойчиво звучит музыка надежды в думах и речах простых людей — жен, матерей, рабочих и художников, крестьян и интеллигентов всего мира.

Мы уверены, что господин Неру передаст своему народу нашу любовь, передаст нашим далеким, но душевно близким друзьям наше страстное желание превратить дружбу в несокрушимую твердыню мира на земле.

Мы надеемся, что Индира Ганди, сопровождавшая Дж. Неру в его мысли дружбы, расскажет деятелям искусства Индии о том, чем живет сегодня искусство нашей страны, которое не отделяет себя от народной жизни.

Пусть цветет в веках великая идея дружбы и сотрудничества народов Советского Союза и Индии!

Ю. ЗАВАДСКИЙ,
народный артист СССР

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 75 (3420)

Суббота, 25 июня 1955 г.

Цена 40 коп.

Всемирная Ассамблея Мира Хельсинки, 24 июня

Дух дружбы и понимания

И погода стоит самая праздничная. Светлые белые ночи сменились яркими солнечными днями. Радостные лица молодых финнов. Впереди чудесная, веселая иванова ночь...

Об ивановой ночи упоминал на Ассамблее в своем приветственном слове от имени финских сторонников мира губернатор Вайне Мелтти. Он пригласил делегатов совершить поездку по Финляндии («Страны тысяч озер», — как сказал Мелтти). В словах его звучала сердечная любовь к своей родине. С чувством дружеской признательности и уважения говорили многие делегаты с трибуны Ассамблеи о Финляндии, о гостеприимном финском народе.

Дух дружбы, взаимной симпатии, добродетельности, как луч солнца, пронизывает громадный зал Мессухалли, озаряет лица сидящих за длинными полукруглыми столами делегатов, корреспондентов. Делегаты выражают чувства дружбы к Советскому Союзу, Китайской Народной Республике, Индии. Слова дружбы раздаются по адресу американского народа, в миролюбивые чувства которого все глубоко верит. А когда взошла на трибуну представительница Кореи Пак Ден Ай, все встало, чтобы засвидетельствовать свое уважение героическому корейскому народу.

Мировая трибуна

Три дня работает Всемирная Ассамблея Мира. Сегодня делегаты разделились на семь комиссий, каждая из которых обсуждает узкую группу вопросов. Любо во всех помещениях. И входу кипит напряженная деятельность.

Один из корреспондентов метко заметил, что дни работы Ассамблеи удачно выбраны. В далеком отсюда Сан-Франциско заседает сейчас юбилейная сессия Организации Объединенных Наций. В Лондоне продолжаются переговоры между представителями СССР и Японии. Премьер-министр Индии Дж. Неру только что завершил свою историческую поездку по Советской стране. И все человечество с нетерпением ожидает начала переговоров глав правительств четырех великих держав в Женеве.

Александр КОРНЕЙЧУК

Именно в эти дни особенно важно услышать голос международной общественности. И он звучит громко на весь мир из светлого зала Мессухалли. Три пленарных заседания Ассамблеи дали чрезвычайно много важного и значительного. Здесь говорят о самых острых проблемах современности.

Делегат Китая Го Мо-жо полемизировал в своем выступлении с речами некоторых западных политиков. Он отдал должное их ораторскому искусству, но сопоставил одну из этих речей с фактами — с новым ростом военных расходов, с расширением производства атомных и термоядерных бомб, с решениями Совета НАТО о применении оружия массового уничтожения, с огромным числом военных баз США, разбросанных по всему миру, за тысячи километров от американской территории...

Председатель Всемирного Совета Мира Фредерик Жолио-Кюри подчеркнул, что предстоящее совещание глав четырех держав могло бы содействовать восстановлению всего значения Организации Объединенных Наций. «ООН может играть роль, ради которой она была создана», — сказал Жолио-Кюри, — если она будет соблюдать свой Устав, если она приобретет всемирный характер, в частности, если перестанет отстранять Китай».

Между Хельсинки и Сан-Франциско протянулась невидимая связь. Там и тут представители различных наций обсуждают вопросы, волнующие все человечество.

На Ассамблее широко представлены различные мнения. Людям, живущим в лагере социализма, может быть, очень трудно понять тревоги и опасения священника англиканской церкви в Канаде г-на Канди. В словах этого религиозного деятеля — много искреннего желания найти общий язык с теми, кто живет на Востоке. Некоторые люди Запада, по его словам, подозревают, что движение сторонников мира находится под влиянием коммунистов. В то же время Канди отмечает уменьшение демократии, свободы, независимости многих стран на Западе, то есть в капиталистическом мире. И он призывает к тому, чтобы оба лагеря научились понимать друг друга, он призывает отказаться раз и навсегда от пропаганды ненависти.

Этот же призыв слышится в посланиях английского философа Бертрама Рассела.

Его письмо было выслушано делегатами Ассамблеи с большим вниманием. Рассел, еще так недавно пришедший в мир из взглядов, ныне идет путь к миру, осуществлению двух систем.

Рассел предлагает, чтобы все страны отказались от взаимного недоверия и признали, что подготовка войны не является их целью. Рассел пишет о широких перспективах, открывающихся перед человечеством в связи с возможностью использования атомной энергии в мирных целях.

Но, выдвигая свою программу укрепления всеобщего мира, британский философ не верит в возможность полного и действительного запрещения атомного оружия. Он считает запрещенное атомное оружие «бесцельным».

Расселу убедительно возражал Александр Корнейчук, подробно изложивший советский проект сокращения вооружений, запрещения атомного и водородного оружия, организации строжайшего международного контроля. Он напоминает, что могучее общественное мнение уже сумело заставить агрессоров отказаться от применения атомной бомбы в Корею и Индо-Китае. Народы твердо решили добиться полного запрещения атомного и термоядерного оружия.

Так в дискуссиях по важнейшим вопросам международной политики Всемирная Ассамблея Мира идет и, несомненно, найдет точки соприкосновения, сближения различных взглядов. Цель участников этого широкого и необычайно представительного собрания одна — найти дорогу к прочному, надежному миру.

Опыт народов

Делегаты Японии отмечают: 6 августа — десятая годовщина атомного нападения на Хиросиму и Нагасаки. Триста тысяч погибших, множество пострадавших от последствий этого преступления напоминают всему человечеству об угрозе, которая не устранена. Профессор Каору Исэи рассказывает Ассамблее, какой огромный размах приобрело сейчас в Японии движение за запрещение атомного и водородного оружия. Около 24 миллионов японских граждан подписались под призывом не допустить атомной войны.

Представители Индии, Бразилии, Германии, Франции также говорили о том, что

СЕГОДНЯ В НОМЕРЕ:
ВСЕМИРНАЯ АССАМБЛЕЯ МИРА. Б. Леонтьев. — Хельсинки, 24 июня; Александр Корнейчук. — Народы требуют мира (1 стр.).
П. Мусьяков. — «Непобежденная территория революции» (1 стр.).
М. Ромм, Э. Тисса, А. Шеленко. — Нельзя мириться с отставанием техники кино! (2 стр.).
Н. Толченова. — Золотое ядрышко (3 стр.).
Ю. Лебедиский. — Дочь Советской Кабарды (3 стр.).
С. Львов. — Основа мастерства (3—4 стр.).
Е. Жуков. — Избавить грядущие поколения от бедствий войны! (4 стр.).

Вечер югославской поэзии

Вчера в Центральном доме литераторов состоялся вечер югославской поэзии. Во вступительном слове М. Исаковский говорил о глубокой народности югославской поэзии. Он отметил, что лучшие писатели Югославии всегда были первыми гражданами своей страны. В первых рядах народа они боролись за свободу родины.

Свободолюбивая югославская поэзия пользуется глубокой симпатией советских читателей. У нас хорошо известны произведения крупнейшего словенского поэта, борца за национальную культуру Фр. Прешер-

на; словенского поэта и драматурга О. Жупанчина, с чьим именем связан знаменитый подъем национальной поэзии; стихи о братстве югославского и советского народов В. Назора; гостя Второго всеюгославского съезда советских писателей хорватского поэта М. Фрочевича; современного сербского поэта Р. Зоговца, посетившего в 1947 году Советский Союз.

Переводы стихов югославских поэтов читали на вечере советские поэты и мастера художественного слова. Вечере приняли участие югославские артисты.

«Непобежденная перришпория революция»

ЛЕТ тридцать назад нам, комсомольским активистам Черноморского флота, после какого-то совещания показали новую кинокартину «Броненосец «Потемкин». Зал клуба имени Шмидта в Севастополе был заполнен до отказа. Восемьсот человек, затая дыхание, следили за развитием действия...

Сколько раз после того мне приходилось видеть эту замечательную кинокартину! Но я никогда не забуду, какое глубокое волнение вызвала она у нас, черноморских комсомольцев, в тот незабываемый вечер. Ведь рядом с нами, молодежь, сидели и бывшие матросы «Потемкина». Поэтому мы с особой остротой воспринимали те героические события, которые проходили перед нами на экране.

А матросы старшего поколения, сидя в зрительном зале, заново переживали не только события, связанные с восстанием на броненосце «Потемкин», но и все то, чем жили наши отцы и братья в памятные дни залуна первой русской революции.

Неудачная война с Японией, рост стачек и демонстраций, крестьянские волнения, 9-е января в Петербурге — и вот уже пламя революционного движения переносится в армию, на флот. На кораблях Черноморского флота распространяются нелегальные брошюры, листовки, звучат революционные песни. Создается подпольная социал-демократическая организация — Военно-морской исполнительный комитет РСДРП, или, как называли его, «Централька».

Небольшую группу социал-демократов «Потемкина» возглавлял член «Центральки» большевик Григорий Вакуленчук. Его многие помнили из сидевших в зрительном зале. Спокойный, выдержанный, стойкий,

он вел себя, как подлинный вождь-революционер.

На флоте готовилось восстание, намеченное на осень, но планы революционных матросов были нарушены. 25 июня командование флотом решило досрочно отправить «Потемкина» в Тендровский залив на стрельбы.

Перед Вакуленчуком возникла задача — удержать матросов от преждевременного выступления и тем самым лишить самодержавие возможности разделиться с оппозиционными кораблями, поднявшими знамя восстания. Однако решить эту задачу было не просто. Любимец матросов Афанасий Матюшенко — горячий и прямой, но политически незрелый человек, находившийся под влиянием анархистов, еще по пути на Тендру стал уговаривать матросов немедленно поднять восстание.

Утром 26 июня «Потемкин» прибыл в Тендровский залив. Началась обычная боевая учеба. Матросы, доставившие на корабль провизию из Одессы, рассказали потемкинцам, что в городе всеобщая забастовка, что поднялось брожение среди солдат гарнизона, что рабочие ждут помощи от военных моряков. Матюшенко снова потребовал немедленного выступления, и Вакуленчуку стоило больших усилий, чтобы успокоить его.

Но вот наступило следующее утро, и тут произошло то, что с такой силой показано в фильме и стало хрестоматийно известным: отказ матросов есть борщ из тушеного мяса, брезент, накиннутый на горстку моряков, команда Гиларовского: «Огонь!», мгновение зловещей тишины, гневное лицо Матюшенко, призвавшего в оружие, корот-

кая схватка и взвизгивая над «Потемкин» красный флаг революции...

Анализируя причины поражения революции 1905 года, В. И. Ленин говорил, что в этот напряженный период борьбы с самодержавием не хватало революционных социал-демократических рабочих в военных мушкетерах, у революционеров не было умения взять руководство в свои руки, стать во главе революционной армии.

Так получилось и на «Потемкине». Судовая комиссия предложила командовать кораблем прапорщика Алексея. Враждебный революции человек, Алексеев все же дал согласие. Позже, из его показаний на суде, стало особенно ясно, как он старался обманывать восставших, вредить им.

В судовую комиссию, наряду с большевиками Никишкиным, Лычевым, Макаровым, Денисенко и другими, попали меньшевики, эсеры, анархисты. Афанасий Матюшенко, избранный председателем, быстро поддавался чужим влияниям. Именно этим разнородным составом комиссии и идущей слабостью Матюшенко прежде всего объясняется пассивность в действиях команды, когда броненосец пришел в Одессу.

Похороны Вакуленчука, погибшего в самом начале восстания, превратились в мощную политическую демонстрацию, вызвали большой подъем революционной активности в городе. Но ни партийное руководство одесского комитета РСДРП, где было засилье меньшевиков, ни судовая комиссия не сумели использовать этот подъем

для дальнейшего развития событий.

В. И. Ленин из далекой Женевы от имени ЦК партии послал в Одессу большевика Васильева-Южина. Инструктируя Васильева-Южина, Ленин говорил:

«Постарайтесь во что бы то ни стало понасть на броненосец, убедите матросов действовать решительно и быстро. Добейтесь, чтобы немедленно был сделан десант. В крайнем случае не останавливайтесь перед бомбардировкой правительственных учреждений. Город нужно захватить в наши руки. Затем немедленно вооружите рабочих и самым решительным образом агитируйте среди крестьян. На эту работу возможно больше привлечите сил одесской организации. В прокламациях и устно зовите крестьян захватывать помещичьи земли и соединяться с рабочими для общей борьбы. Союз рабочих и крестьян в начавшейся борьбе я придаю огромное, исключительное значение».

К сожалению, Васильев-Южин прибыл в Одессу, когда «Потемкин» уже покинул порт. Решительных действий, о которых говорил В. И. Ленин, со стороны восставших не последовало. Этим воспользовался самодержавие. К Одессе стали стягиваться войска. Командующий Черноморским флотом послал против восставших карательную эскадру во главе с вице-адмиралом Кригером, приказав потопить мятежный броненосец, если его команда не сложит оружие.

Когда на горизонте появились боевые корабли Кригера, революционный броненосец с гордо развевавшимся красным флагом смело пошел им навстречу и прорезал строй эскадры. Его орудия были готовы к бою. Но настроению матросов эскадры Кригер понял, что первые же выстрелы по мятежному кораблю приведут к тому, что весь флот станет под красные флаги революции. Матросы эскадры горячо приветствовали восставших. А команда броненосца «Георгий Победоносец» присоединилась к «Потемкину».

Поражение карательной эскадры было воспринято всем прогрессивным человечеством как удар по самодержавному строю. Видя свое бессилие, царское правительство обратилось за помощью к правительствам Турции и Румынии. В. И. Ленин назвал этот акт верхом позора. «Турецкий султан должен защитить царское самодержавие от русского народа; — парю нельзя опереться на русские военные силы, и он молит о помощи чужие державы», — писал Ленин.

Офицеры и кондукторы на «Георгий Победоносце» сумели распространить команду, заступая молодых матросов, и «Потемкин» снова остался один. В судовой комиссии усилились разногласия. Иные в Румынию, где восставшие надеялись получить топливо, воду, продовольствие. Румынские власти предложили матросам сдаться, оставив на корабле все оружие. Потемкинцы отвергли это предложение.

Дальнейшее плавание одинокого броненосца по Черному морю в поисках топлива и воды сопровождалось явным спадом восстания. После посещения Феодосии и дол-

гих споров — идти ли на Кавказ или снова в Румынию — было решено вернуться в Бонстанцу, сдать корабль румынским властям для передачи России, а самим объявить себя политическими эмигрантами. Так и было сделано.

Судьба революционных матросов-потемкинцев сложилась по-разному. Одним удалось устроиться на работу в Румынии, другим пришлось еще долго колесить по свету в поисках куска хлеба. Их можно было встретить и в США, и на платформах Южной Америки, и на торговых кораблях почти всех стран. Но куда бы судьба ни забросила потемкинца, достаточно было сказать: «Я с броненосца «Потемкина», и каждый человек, живущий честным трудом, считал своим долгом помочь русскому матросу. Особенно хорошо отнеслись к потемкинцам трудящиеся Румынии.

Десятки матросов-потемкинцев дожили до наших дней. Многие из них еще работают на предприятиях, в колхозах. Они приезжают в воинские части и на корабли, рассказывают о славных днях революционной борьбы русских людей за счастье и свободу своей страны.

«Броненосец «Потемкин» остался непобежденной территорией революции и, какова бы ни была его судьба, перед нами лежит несомненный и знаменательный факт: попытка образования ядра революционной армии», — писал В. И. Ленин.

Никогда не померкнут в сознании нашего народа гордые имя революционного броненосца и те боевые дела, которые совершили русские моряки, вписав славную страницу в историю революционного движения народов нашей страны.

П. МУСЬЯКОВ,
генерал-майор

Окончание на 4-й стр.

АКТИВНОСТЬ ПОЭЗИИ

Когда двадцать девять лет назад в полковой оружейной газете появились первые стихи Петрусы Бровки, читатели газеты уже знали его как «старого» активного селькора. Сын крестьянина-бедняка, он в 1923 году организовал в родной деревне комсомольскую ячейку и стал ее секретарем, а спустя год был избран председателем сельсовета. Тесная связь с жизнью определила важнейшие черты творчества Бровки. В числе первых и самых близких его учителей были классики белорусской литературы Янка Купала, Якуб Колас и великий русский поэт Владимир Маяковский. На пути к зрелости, к овладению подлинным мастерством поэта ожидали трудности и неудачи. В первой книге Бровки «Слово фактам» (1930), в сборнике «Деховые будни» мы видим порою внешне похвалительные отзывы Маяковского: раздробленные, расположенные «лесенкой» строчки, обилие восклицательных знаков.

Более глубокая творческая учеба помогла Бровке «найти себя», развить самостоятельные черты дарования. От Маяковского, от основоположников белорусской советской поэзии навсегда осталось у Петрусы Бровки стремление к максимальной действительности и выразительности слова, к ритмическому богатству стиха, стремление идти самостоятельным путем в использовании образов и приемов устной народной поэзии. Сила его стиха — в неподдельной эмоциональности, в конкретности и жизненности образов, в активном, жизнеутверждающем восприятии мира, в ясности и национальной красочности формы.

Именно эти качества находим мы в лучших довоенных сборниках поэм и стихотворений Бровки: «Весна Родины» и «Лесными дорогами» (1940). Особенно глубоко и полно раскрылся талант поэта в годы Великой Отечественной войны, когда Петрус Бровка работал в редакции белорусской фронтовой газеты. Его произведения часто звучали по радио, печатались в газетах и журналах, находили доступ в города и села оккупированной Белоруссии.

В послевоенные годы Бровка много писал о колхозной жизни. Одним из первых в белорусской литературе он сумел создать поэтические картины послевоенного восстановления колхозного хозяйства. О людях колхозной деревни написаны известные его поэмы и стихотворения: «Хлеб», «Родные берега», «На Полесье», «Колхозный мельник», «Девушка с Полесья», «Черногородок», «Калашник» и другие. Не все здесь художественно равноценно. Кое в чем поэт отдаст дань риторике и порою ограничивается изображением чисто внешних примет бытия своих героев. Нельзя не пожалеть и о том, что в последние годы Бровка почти не выступает с произведениями, рисующими колхозную деревню на новом историческом этапе.

Тема братства, дружбы народов проходит через все творчество Петрусы Бровки. Во многих его стихотворениях, в поэме «Беларусь» звучит верная, горячая любовь к русскому народу, к России:

Россия, —
Нет на свете силы,
Чтоб в ряд с тобою стать могла,
Ты, нас собрав, объединила,
Одной дорогой повела.

Ты под крылом своим могучим
Всех защищала много раз,
И словом Пушкина певучим
С младенчества встречала нас.

(Перевод Д. Осина).

Сейчас Бровка — в расцвете сил и таланта, в его поэзии светит неугасимая вера в торжество нашего великого дела. Желаем поэту от имени читателей и друзей долгих лет плодотворного труда, здоровья, новых творческих удач.

Евг. МОЗОЛЬКОВ

ЗОЛОТОЕ ЯДРЫШКО

«Что бы ни делал Иван Федосевич, с чем бы ни встретился в жизни, из всего он старается выисследовать то самое ядрышко, которое скрыто под скорлупой».

Так характеризует Ефим Дорощо простого и вместе мудрого человека наших дней — Ивана Федосевича Варфоломеева — одного, пожалуй, из самых любимых и самых удачных героев своей новой книги.

Золотое ядрышко точной мысли, живого опыта неизменно «выискивается» Иваном Федосевичем из всех тех фактов и событий, которые одно за другим, нескончаемым потоком движутся в его многотрудной жизни председателя большого колхоза, требуя всякий раз безотлагательного ответа, вывода, решения... И мы разделяем с автором отчетливо выраженное в книге чувство любви и уважения к пожилому, скромному, внешне неприметному человеку, испытываем радость его уважения, видя, что он — вполне уравновешенный, всегда невозмутимый Иван Федосевич — и является силой, вызвавшей к жизни этот стремительный поток дел, начинаний, свершений.

Ефим Дорощо — художник со своей собственной, давно и прочно сложившейся манерой, художник сдержанный, немногословный. Часто он как бы даже скупится на краски, заставляя верить тому, о чем пишет, не столько силой внешней выразительности создаваемых им картин, сколько силой мысли, вложенной в эти картины, их живой и неопорной достоверности. Присущие писателю лаконизм, несколько суховатая точность языка насколько не мешают, однако, ясному опущению уважительности и большой теплоты или, наоборот, сурового осуждения, неприимности по отношению к героям.

Интересно проследить, как складывается образ Ивана Федосевича в одном из рассказов. Еще до того, как нам удалось познакомиться с героем, Е. Дорощо умно, художественно тонко подготавливает нашу встречу с ним, — хотя кое-кому на первый взгляд, может быть, и покажется, что рассказ о председателе колхоза написан без каких бы то ни было «писательских ухищрений», в незамысловатой очерковой манере.

В чайной, напротив базара, какую навстречу приходилось видеть каждому из нас в любом районном городке, писатель должен встретиться с Варфоломеевым. В базарный день здесь со столбами полным-полно народу; идет оживленный и вполне открытый разговор о том, что больше всего волнует колхозников: как кому работать, как кому живется... Колхозники судят о вожаках своих артелей без стеснения, напрямик. Всякий получает по заслугам, и засидевшийся в «низовых руководящих работниках» неуч и пьяница — «виножор» и молодойенький «красолов», специалист по грызунам, которого «святуют» в председатели колхоза только потому, что в анкете у него значится — агроном.

«И нам с ним не жаль», — рассуждает женщина, — и его жалко... Только и слышишь, что ученый, а самостоятельности в нем никакой.

И она по-прежнему вздыхает о хозяйне, который вот как нужен нашему колхозу».

Не бесстрастно слушает и не равнодушно передает эти разговоры художник. «Тоска по хозяйну» окрашена у него такой естественной, человеческой интонацией, которая задевает читателя за живое. Раздумья писателя, сливаясь с мыслями народа, создают единую атмосферу рассказа. Весь он дышит ожиданием настоящего человека — такого человека, от которого «зависит... жизнь».

«Тут нет никакого преувеличения», — спокойно поясняет Е. Дорощо, — потому что, сколько бы ни старался вот эта женщина, ничего не достанется ей на трудяжни.

«Если бы ни делал Иван Федосевич, с чем бы ни встретился в жизни, из всего он старается выисследовать то самое ядрышко, которое скрыто под скорлупой».

И вот он, наконец, появляется, этот настоящий человек, председатель богатой Вексинской артели — Варфоломеев, русский крестьянин, несомненно вошедший в зал «в обиходное очинное полуопушное с грубой шнуровой покрывкой, в сдвинутую на затылок шапку с опущенными ушами».

Писатель далек от славянского умения «пейзанским» обличьем своего героя. Он стремится прежде всего показать нам его душу, характер, психологию. Из того, что рассказывает Ефим Дорощо о Варфоломееве, видно: Иван Федосевич обладает характером сложным, своеобразным. Это человек: очень деликатный и в то же время суровый. Внутреннюю целеустремленность, настойчивость, решительность он органически соединяет с почти детской сердечной несамутностью и чистотой.

Но все эти свойства Варфоломеева, несомненно свидетельствуя о натуре положительной и незаурядной, еще ничего не говорят о нем, как о современном советском передовом человеке, представителе нашей индустриальной деревни. Автор же ставит своей главной задачей отделить именно эту черту в облике героя, как черту ведущую, основополагающую. И надо сказать, что всем содержанием повествования, всей логикой поступков и действий Ивана Федосевича автору удалось выявить типичность нового человека в этом пожилом крестьянине, чья природная мужицкая сметка и большой хозяйственный опыт, приведенные в действие, рождает не кулацкие, частнобуржуазные инстинкты, а высокие благородство души, стремление принести как можно больше пользы родному народу!.. В этом, может быть, и отдалка того, что самое слово «хозяйство» воспринимается Варфоломеевым, по меткому наблюдению писателя, так же, «как иным человеком поэзия».

Рассказ заканчивается тем, что Иван Федосевич спрашивает писателя, читал ли он роман про семью Журбинных.

«Там дед один есть», — говорит Варфоломеев. — «Тот этого деду не угодит на пенсию, ничего с ним не сделать — хозяйн на заводе. Вот и мечтается мне: как бы это научиться таких людей воспитывать!».

Этот последний штрих в рассказе Е. Дорощо не так прост, как кажется. Сам хозяйн своей жизни, своего труда, Иван Федосевич — духовная родня рабочим Журбинным, он такой же, как и они, строителю коммунизма.

Великое дело — показать в литературе такого человека, такого героя, выросшего в самой гуще колхозного крестьянства!..

Хочется пожелать художнику, чтобы он подхватил светлую мысль Ивана Федосевича! Знаю современную деревню, Ефим Дорощо может крупным, большим плечом показать воспитание замечательных людей колхозного села, их дела, их борьбу.

Да, борьбу. Потому что трудно предположить, что такие признанные руководители, как Варфоломеев, живут, окруженные одним лишь всеобщим восхищением, не встречаясь с враждебной завистью, переложивательством, клеветой... Что стоит один только Афанасий Гунькин — сравнительно еще безобидный лодырь в вквинском колхозе, с его бесчеловечной ролей, которая на собраниях, едва лишь Варфоломеев заденет Гунькина, дружно толкует против любого предложения председателя колхоза. А ведь лодырь и его родня — далеко еще не самые сильные противники Варфоломеева. Вот и хотелось бы увидеть Ивана Федосевича в схватке с таким, например, отрицательным приспособленцем, равнодушным к делу и к людям человеком, как рабочий районного отдела сельского хозяйства, агроном Валентин Иванович Малавочка.

В сожалею, Малавочка (чей убийственно точный портрет, созданный Дорощом, поражает сочетанием полной, каза-

дось бы, авторской корректности с самой дловитой саркастической насмешкой) живет в одном из рассказов сборника почти совсем один. И как бы ни была житейски убедительна пламенная история маленького человека, как бы ни восхищались нас все те художественные детали, на которые не поспешил писатель, все же Валентин Иванович, изображенный вне круга людей, иных по своему духу и направлению, кажется хоть и жалким, но вполне безобидным. А с этим согласиться уже невозможно. Легко себе представить, как будет наказать, портить жизнь тому же Варфоломееву такой Малавочка, столкнись они на одной дорожке!..

В жизни подобные столкновения происходят повсюду. Отрадны их в новой книге рассказов, а может быть, и на более крупном полотне, — задача, поставленная для такого художника, как Ефим Дорощо. В этом, кстати сказать, убеждает и еще один рассказ, вошедший в сборник, — «Латинские девчата». Убеждает, как ни странно, своей неохотой на те произведения, о которых говорилось выше, убеждает не только своей личностью, но и умением вникать в психологический облик героев, давать его в движении.

Героиня этого рассказа девушка-колхозница Инга окончила десятилетку, но дальше учиться не стала. Не стала и работать.

Няч от привычной схемы, иной читатель сразу потропится с выводом: ну, ясно, писатель рисует еще один отрицательный тип! И — ошибается. Инга — вовсе не «тип», она, если присмотреться, полуребенок, не сложившийся, не оформившийся внутренне. Ее стремления и возможности еще не ясны ей самой. Она как бы нехотя, против воли, прислушивается и присматривается к тому, что совершается в ее душе, в природе, вокруг нее... Вот мать, отстранившись, бегит плыть, и с ленивым удивлением Инга наблюдает за ней: ведь и без этого мать устала, зачем ей это нужно... Потом, после ужина, девушка идет «постоять у калитки» и безразлично слушает, как спорит о ней родители. «Ты бы хоть подумал», — просит мать, — куда же пристройтись?.. Дояркой! — со смехом говорит отец. — Поидем? Пойду, тату! — лениво отвечает Инга... Но однажды отец Инги, председатель колхоза, решил отправить дочь на свинополь: там нужны работницы. И с тем же ленивым удовлетворением, с той же пассивностью Инга думает, что «вот и устроилось все».

И как ни странно, но дальше оказывается, что все и впрямь хорошо, даже отлично устроилось! Начав работать, девушка, словно ее подтолкнули, духовно пробудилась. Безвольная и какая-то безразличная ранее, Инга именно в работе становится взрослее, умнее, обретает собственные вкусы, мнения.

Вот, например, как хорошо и тонко описывает Е. Дорощо один из моментов этого духовного взросления.

«Инга посмотрела на Дусю, и ей впервые не понравились выпитые брови подруги. Слипшиеся от краски ресницы, большие, лутые серги — все то, что еще недавно ей казалось необходимым для взрослой девушки и в чем она вдруг смогла разглядеть желание обмануть кого-то. Инге почему-то стало жалко Дусю, и в этой жалости, хотя она не понимала этого, было сознание собственного превосходства, какой-то своей силы».

Сборник Е. Дорощо составлен в хронологическом порядке, что позволяет видеть, как шла развитие мастерства писателя, как углублялась его творческая мысль, постоянно и неизменно сосредоточенная на явлениях колхозной жизни. Эта живая, интуитивная мысль художника — то же золотое ядрышко, главная ценность скромных, задушевных, не бьющих на внешний эффект, всегда целеустремленных рассказов Е. Дороща.

Н. ТОЛЧЕНОВА

Библиотека нового совхоза «Денинская». Кочетковский район. Читательская группа работает в библиотеке. Фото В. Мастонова

Дочка Советской Кабарды

Левушка, окончившая курсы трактористов, впервые села за руль трактора и вышла в поле на весеннюю пахоту. Сначала дело у нее пошло на лад, тем более, что напарник оказался опытным трактористом. Но однажды в ночную смену девушка пришла заменить его, и произошла поломка: «Трактор будто споткнулся на всем ходу или чья-то невидимая железная рука мгновенно остановила его. От сильного толчка Софийка чуть не ударила лицом о баранку. Мотор умолк, свет погас... Чернела чащавая, беззастенчивая земля, чернела небо со своими далекими звездами, чернела заглохший, оцененный трактор, и она с Лосей стояли в черноте ночи, маленькие, бессильные и тоже темные, как глыбки пани...» Софийка и ее прищипца Лося руками разрыла земля, добралась до железной полосы, на которую наткнулся трактор, вновь запустила машину, пытаясь с размаху сдвинуть ее, но трактор снова останавливается. Девушки бьются всю ночь — и безуспешно. Утомленные, испуг и многоголосое напряжение сказываются: Софийка заболевает. Потом она выздоравливает, возвращается в бригаду, у нас кончается благополучно.

Такова схема сюжета повести кабардинского писателя Адама Шогенцукова «Весна Софийки». Сюжет, казалось бы, незамысловатый: в истории Софийки нет ничего особенного — во время весенней пахоты сотни тысяч тракторов бороздят поля нашей Родины, а молодых трактористок, вступающих впервые в строй работ, у нас имеются десятки тысяч.

Сухое изложение сюжета не может передать всей художественной силы этой повести, так убедительно раскрывающей доброе, открытое сердце Софийки, глубокие движения ее души: уважение к старшим, дружбу к сверстникам, готовность все силы отдать общему делу.

Случай, изображенный в повести, — заурядный, обыкновенный. Но именно поэтому и увеличивается сложность задачи художника — от него требуются правдивое изображение жизни человеческой души, умение раскрыть лафос и поэзию дела, казалось бы, самого обыкновенного.

Поэзия с первого же момента с пробуждения героини нашей Софийки, присутствует в повести. Какие-то звуки вырываются в утренней сонной девушке: «Ах, что же это так словно звенит? Звенит и сверкает, как солнце, как серебряный колокольчик. Ну, еще, еще, дорогие мои! Так словно, так хороши! Или это кузнечек был золотым по раскаленному лемеху? Или разогранный Бахсан бросает тонкие льдинки на мокрые валуны? Динь-дзинь-дзинь!..»

Так солнечным весенним днем начинается первый трудовой день героини, счастливый, торжественный день, когда она впервые сядет за трактор.

При всей своей застенчивости и внешней мягкости, Софийка — человек по-настоящему твердый, принципиальный. В

сущности, ей приходится все время вести серьезную борьбу. На наших глазах становится она свое право работать на тракторе. Она сражается со всевозможными бытовыми предрассудками, с гнетущим влиянием мусульманской религии, в сетях которой находится мать Софийки.

Адам Шогенцуков переносит хорошую традицию кабардинской литературы. Образ страдающей и борющейся за свое освобождение и освобождение народа женщины занимает очень большое место в народной поэзии, в стихах и песнях Али Шогенцукова, лучшего поэта Кабарды, зверски замученного фашистами. Его песня о трактористке не случайно стала любимой народной песней. Не случайно и тот факт, что одно из первых произведений кабардинской художественной прозы посвящено девушке-трактористке.

Большой удачей автора является образ Хажрета Емазова, продавца сельхоза. «Одни говорили, что Емазов далеко не молод — его ровесники уже вышли в министры, поповники, директора школ, — а другие, особенно суботничники, считали кооператора чуть ли не юнцом». Со своими «владельскими шеками и жидкой, шиповатой шеей, засаленный галстук неопределенного цвета», не то в сером, не то в коричневом плаще — он очерчен несколькими штрихами, но его не забудешь.

Паразит и бездельник Хажрет пытается покорить сердце наивной Софийки лентами, пудрой и высокопарными разговорами о «чистой современной любви». Но не о такой любви мечтает Софийка, не такого человека жлет. И хотя ее отношение к Мурду в конце повести так и остается как бы недоразумением, но вряд ли есть и необходимо этого отношения дорисовывать. Ведь уже одно то, что кабардинская девушка, вопреки старым обычаям, решает сама посетить «дом вдовца» и по-дружески помочь Мурду, уже, как трудно приходится ему с двумя маленькими детьми, говорит больше, чем словами, возвращая «любви» интрига.

Келья сказать, чтобы повесть Адама Шогенцукова была свободна от недостатков. Первый и наиболее серьезный из них — это некоторая сентиментальность, излишняя экзальтированность в самом способе выражения. Содержание настолько волнует читателя, что сдержанность изложения только подчеркивала бы драматическую силу событий и переживаний героев.

Журнал «Дружба народов», печатая повесть Адама Шогенцукова, сделал важное дело. Живо и увлекательно написанная, она показывает, до какой степени глубоко вошел колхозный строй в быт народа, дает образ кабардинской девушки во всей ее прелесть и правде переживания.

Насколько мне известно, «Весна Софийки» — первое серьезное прозаическое произведение, созданное Адамом Шогенцуковым, до этого знакомым нам своими хорошими стихами.

Ю. ЛИБЕДИНСКИЙ

Основа мастерства

Сергей ЛЬВОВ

В последние годы литературная критика стала внимательнее относиться к вопросам художественного мастерства писателя. Появились статьи, посвященные проблемам композиции и языка произведения, построению образа; сравнивались различные редакции книг, разбирались различные вопросы литературной «технологии».

Все это очень важно и нужно. Но проблема художественного мастерства писателя не сводится к проблеме художественной формы. Основа художественного мастерства — изучение действительности. Однако именно этой важнейшей стороне работы писателя литературная критика занимается меньше, чем следовало бы. Именно поэтому так часто статьи, где сопоставляются «замысел и его воплощение», и так довольно редки статьи, в которых и воплощение и замысел сравниваются с жизнью. Более того, в последнее время не раз приходилось слышать выступления литераторов, настаивавших, чтобы критика оценивала произведение лишь с точки зрения того, насколько удалось писателю выиграть в нем залу, которую он сам себе поставил. Безусловно, немало вреда принесла литературе статья, почти игнорирующая эту сторону дела, но ограничивать роль критика только исследованием замысла писателя — значит превращать критическую статью в излуп между критиком и писателем на узко-профессиональной основе. Это не в интересах критики и не в интересах литературы. Важнейшая общественная задача критики — сопоставление процессов литературы с процессами действительности.

А. М. Горький в статье «Беседа с молодыми» всем воображением о языке художественных произведений, о построении рассказа, об экономии слов предостерегает, без чего не нужны и бесполезны профессиональные советы, — «всегообщее, решительное напоминание: «Для того, чтобы наша литература... научилась достойно исполнять свой великий долг, необходимо внимательно и серьезно изучение картины мира, современного нам». Без изучения действительности Горький не мыслит никаких разговоров о писательской технике. Незадолго, употребив слова «идеология профессиональной технической квалификации литераторов», он тут же расшифровывает их,

П. Павленко вспоминает, как его — молодого писателя — напугали шаманские разговоры формалистов о мастерстве: «Я попал в среду людей, из которых ныне уже ушли в историю, некоторые из них казались мне почти классиками. Они говорили странные, непонятные для меня слова: «формализм», «развитие фабулы по спирали...». Я не мог себе представить, как это можно писать и вдруг совершенно точно узнать, что пора торжжествовать. И что это такое «смотреть в лицо тем», что произносили эти слова. Казалось, все сразу улавлять, что я не знаю самых примитивных вещей».

Спародированные в этом отрывке «рецидивы» весьма похожи на некоторые отзывы из книги «Как мы пишем».

И из чтения книги П. Павленко и, особенно, из чтения его «заготовок» в недавнем опубликованном записных книжках видно, как много трудился он над словом, фразой, композицией. Но о ключе к мастерству он написал так:

«...за всякой удачей лежат двадцать лет — двадцать лет жизни, лежит огромный жизненный опыт... Этот опыт включает в себя (для меня, по крайней мере) не только жизненные впечатления, но и прочитанные книги и, самое главное, постоянную марксистско-ленинскую учебу, благодаря которой получалась возможность осмыслить пережитое, увиденное и узнаное, взглянуть дальше, чем это делал вчера».

Примерно в то же время, когда П. Павленко перерабатывал для «Литературной газеты» стенограмму беседы с молодыми, в писательской среде прозвучало несколько иронических высказываний по поводу «спешки за материалом».

В той мере, в какой эта ирония была обращена на успешные творческие командировки людей, внутренне не подготовленных к встрече с избранной темой, она была оправданной. Но подчас за этими замечаниями угадывалось отрицательное отношение к писателю, ищущим материал в повседневных трудовых делах народа, которое позже стало лейтмотивом нападок на «Дневник писателя» М. Шагинян.

В разговоре между сотрудниками редакции и Петром Андреевичем Павленко о статье был затронут и вопрос о поездках писателя. И он, бесконечно много путешествовавший по родной стране и всему миру, неожиданно рассказал о поездке, которую задумал осуществить летом: поездить несколько недель с авторграфом библиотекой по стенным районам Брима,

постоять вместе с библиотекарем на выдаче, послушать, как выбирают книги и что говорят, возвращая их...

Я, к сожалению, не записал точно слова П. А. Павленко, но смысл их был такой: поездка может быть и небольшой. Больным должен быть предшествующий жизненный опыт. Это главное. Тогда происходит умножение частных наблюдений на весь запас предшествующего опыта, собранного не простым наблюдением над жизнью, а активным участием в ее делах. И если он сказал примерно так: сейчас говорю историю советской литературы. Она будет неполной без географии... Он имел в виду те писательские маршруты, в результате которых возникли «Время, вперед!», «День второй», «Саранчуки», «Поэма о солдате», «Гидроцентральный», «Большевикам пустыни и весны», те военные дороги, на которых собирался материал для «Звезд», для повести «Народ бессмертен», для «Василия Теркина»...

Мы денем книгу, где в писателе угадывается бывалый человек, где дорога, работа, быт описаны так, что чувствуешь — это писал человек, сам немало путешествовавший, порывавший, бесстрашно воевавший. Непрерывно и неслышимо собирает впечатлений — неотъемлемая часть работы писателя. Запас жизненных впечатлений и умение передать их — та начальная основа мастерства, без которой вряд ли можно говорить о писателе, как о писателе. И все-таки это всего лишь начало, как для художника — умение сделать зарисовку с натуры, выписать эту. Мастерство писателя — это не только умение наблюдать быстро меняющуюся действительность, но и умение извлекать социальный смысл заключенных в ней фактов, говорил Горький.

У Н. Г. Гарина-Михайловского, писателя, которого высоко ценил Горький, есть очерк о том, как он проходил практику на пароходе. В очерке Гарина все в высокой степени достоверно. Здесь каждая деталь подмечается, что Гарин внимательно прислушивался к разговорам рабочих, терпеливо и обстоятельно входил в незнакомый ему быт. Постепенно в рассказчике выросло восхищение машинистом Григорьевым, возник мотив силы и красоты рабочего. Возник на мгновение и снова пропал в подчеркнутую снисходительность некая зловещая внешность героя:

«Я... смотрел на Григорьева. В этой маленькой сгорбленной фигуре с красным большим носом обнаружилась вдруг такая

сила, такая красота, о которой подуматься нельзя было. А потом, кончив составлять поезд, в ожидании другого, он опять сидел на своей перекладке, маленький, сгорбленный, угрюмый...»

Очерк Гарина «На практике» написан в 1903 г.; жизненные наблюдения для него собирались раньше, примерно тогда же, когда Горький работал над повестью «Мещанин». Фактический материал, лежащий в основе обоих образов, — один и тот же.

Среди людей, с которыми Гарин познакомился на железной дороге, мимоходом упоминается машинист — «молодой, с русой бородкой, с умными, твердыми голубыми глазами». Больше Гарин ни разу к этому человеку не возвращается. Так и кажется, что он встретил в дороге горьковского Нила и раздумывая с ним, размышляя с той огромной социальной темой, которую Горький воплотил в образе машиниста.

У Гарина мысль о внутренней красоте и силе рабочего промелькнула, как мимолетное наблюдение. У Горького она стала социальным содержанием образа Нила.

Объясняется это, разумеется, различной идейной позицией обоих писателей. Она проявляется во всем — в стиле обоих произведений, даже в их лексике. В очерке Гарина — значительное для своего времени — при всей симпатии к рабочим проявляется интонация народнического сочувственно-умиленного отношения к простому человеку. Отношение Горького к Нилу — это уважение, основанное на вере в безграничные исторические возможности рабочего класса — творца истории.

Рассматривая отношение к жизни и к труду, мы не можем ограничиваться одним только разговором о верности частных наблюдений, о зоркости в передаче деталей. Это означает объединять и судить представление о мастерстве писателя.

С этой точки зрения поучительно проанализировать рассказ Юрия Нагибина «Подледный лов». Рассказчик берет с собой на зимнюю рыбалку своих знакомых — художника-реставратора Фетисова и Игоря Кустова, избравшего себе редкую специальность художника по фарфору.

Начало рассказа содержит прямую характеристику противоположных натур сущности рассказчика.

Фетисов — человек успокоившийся, обеснившийся, отказавшийся от исканий в жизни. Напротив, «Игорю всегда надо было жить на пределе...»

Сюжет рассказа составляет перемена в характере оравозумевшего Фетисова. Происходит это так. Фетисов, привык-

НАРОДЫ ТРЕБУЮТ МИРА

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

запрещенным. Исключения из этого правила могут быть допущены в целях обороны против агрессии, когда будет принято соответствующее решение Совета Безопасности. Предусматривается также, что государства, располагающие военными, военно-морскими и военно-воздушными базами на территориях других государств, берут на себя обязательство ликвидировать эти базы, а вопрос о том, какие базы будут ликвидированы в течение первого периода, подлежит дополнительному согласованию.

Во втором периоде проводится следующие мероприятия в течение 1957 года. Немедленно прекращается производство атомного и водородного оружия и соответственно сокращаются бюджетные ассигнования государства на военные нужды и происходит дальнейшее сокращение вооруженных сил и вооружений, установленных согласно обязательствам, принятым ими на себя по конвенции. После того, как сокращение вооруженных сил и вооружений обычного типа будет осуществлено на 75 процентов общего размера их сокращения, предусмотренного в конвенции, вступает в силу полное запрещение применения атомного, водородного и иных видов оружия массового уничтожения. Завершаются мероприятия по ликвидации всех иностранных военных, военно-морских и военно-воздушных баз на территории других государств.

В советских предложениях сказано, что в связи с отсутствием теперь доверия между государствами создана такая обстановка, что ни одно государство не может разрешить, не рискуя своей безопасностью, другому государству ознакомиться с военным производством и другими ресурсами своей страны. Отсутствие в настоящее время необходимого доверия между государствами может создать такую ситуацию, при которой принятые решения о международном контроле будут на деле сведены к простой формальности. Доказано высококомпетентными людьми, что контроль над атомным оружием особенно затруднителен из-за самого характера атомного производства, так как производство атомной энергии для мирных целей может быть использовано для накопления запасов взрывчатых материалов во все возрастающих количествах. Не так трудно государствам, имеющим предприятия по производству атомной энергии, нарушить соответствующие соглашения, накопить большие количества взрывчатых материалов для производства атомных и водородных бомб, а наладить их производство в широком масштабе не является для таких государств трудной проблемой.

Потенциально агрессор при таком положении может, подписав соглашение, подготовить внезапный удар на миролюбивые государства.

Пока не будет создана атмосфера доверия в отношениях между государствами, любое соглашение об установлении международного контроля способно лишь усилить бдительность народов и создать чувство ложной безопасности.

Так предельно четко и правдиво дан анализ современной обстановки в советских предложениях.

Подготовка новой войны неизбежно связана с необходимостью концентрации в определенных пунктах крупных воинских соединений с большим количеством самолетов, танков, артиллерии, военно-морских кораблей. Такая концентрация вооруженных сил военно-морского флота, военной авиации и их переброска могут осуществляться лишь через крупные узловые пункты, порты и аэродромы. Значение таких пунктов для подготовки агрессивной войны не только не уменьшается в условиях современной военной техники, но, напротив, возрастает.

Кроме атомного и водородного оружия, в военные действия в случае возникновения войны будут вовлечены многочисленные армии и огромное количество обычных вооружений, имеющих решающее значение для исхода любой большой войны. Этого нельзя не учитывать при решении вопро-

са об установлении международного контрольного органа, о его правах и полномочиях.

Поэтому в советских предложениях очень большое место отведено вопросу о международном контроле за сокращением вооружений и запрещением атомного оружия. Для первого периода проведения мероприятий по сокращению вооружений и запрещению атомного оружия с целью предупреждения внезапного нападения одного государства на другое государство международный контрольный орган установит на территории всех соответствующих государств на взаимных началах контрольные посты в крупных портах, на железнодорожных узлах, аэродромах, аэропортах. Задачей таких постов является следить за тем, чтобы не происходила опасная концентрация военно-сухопутных сил, а также военно-воздушных и военно-морских сил.

Международный контрольный орган будет иметь право истребования от государств необходимых сведений о проведении мероприятий по сокращению вооружений и вооруженных сил. Контрольный орган будет иметь беспрепятственный доступ к материалам, касающимся бюджетных ассигнований государства на военные нужды, в том числе ко всем решениям законодательных и исполнительных органов государств по этому вопросу. Государства будут представлять периодически и в установленные сроки контрольному органу сведения о проведении предусмотренных конвенцией мероприятий.

Для второго периода функции международного контрольного органа расширяются. Он будет обладать следующими правами и полномочиями.

Осуществлять контроль, в том числе инспекцию на постоянной основе в объеме, необходимом для того, чтобы обеспечить выполнение государствами указанной конвенции. Международный контрольный орган будет осуществлять эти функции, пользуясь также правом истребования от государств необходимых сведений о проведении мероприятий по сокращению вооружений и вооруженных сил.

Для осуществления инспекции будут привлекается персонал, подобранный на международной основе. Распослать постоянно во всех странах, подписавших конвенцию, своим штатом инспекторов, которые в пределах осуществляемых им функций контроля имели бы в любое время беспрепятственный доступ ко всем объектам контроля.

С целью предупреждения внезапного нападения одного государства на другое государство международный контрольный орган будет иметь на территории всех соответствующих государств на взаимных началах контрольные посты в крупных портах, железнодорожных узлах, аэродромах.

Контрольный орган делает рекомендации Совету Безопасности о мерах предупреждения и пресечения в отношении нарушителей конвенции о сокращении вооружений и запрещении атомного оружия.

На основе вышеуказанных принципов должны быть уточнены функции и полномочия постоянного международного контрольного органа и разработана с этой целью соответствующая инструкция. Таким образом, советские предложения, вопреки утверждению западной печати и некоторых политических деятелей, придают огромное значение международному контролю.

Но и эти советские предложения, которые встретили широкий положительный отклик у многих политических и общественных деятелей различных стран Европы, Азии и США и горячую поддержку миллионов простых людей, должным образом не рассматриваются. А пресса, послушная организаторам Северо-атлантического блока, старается извратить суть этих предложений, выдумывая то, чего в них нет, и умышленно, что в них есть... Сторонники «холодной войны», грубой

силы, диктата склонны рассматривать нашу настойчивую борьбу за мир, все наши мирные предложения, наше неуклонное терпение в переговорах, как проявление слабости Советского Союза. Но когда им приходится утверждать в своих парламентах невиданные в прошлом огромные суммы на гонку вооружений, дождавшись все более тяжелым бременем на плечи народов, тогда они меняют пластинку и кричат уже не о слабости Советского Союза, а о его якобы бесчисленных армиях и вооружениях, чтобы создать атмосферу военной истерии и проталкивать раздутые военные бюджеты, дающие невиданные прибыли фабрикантам оружия.

Военная истерия, как об этом, захлебываясь, говорит один из поборников «стратегии страха» американский социолог Лассвелл, должна вызвать у народа «ярость, создаваемую чувством опасности»...

Кому нужна атомная истерия? На это ответил главнокомандующий вооруженными силами НАТО в Европе генерал Грюнтер, выступая 19 мая на конференции американских мэров в отеле «Вальдорф-Астория». «Было бы безумием отказываться от атомной бомбы... Имеется весьма серьезная опасность, что общественное мнение заставит политических лидеров пойти на опасный компромисс, который, в конечном счете, может оказаться для нас весьма невыгодным».

Мы не удивляемся, почему так боится общественного мнения генерал Грюнтер. Во все эпохи общественного мнения, как огня, боялись все заговорщики. Но Грюнтер, не думая об этом, дал блестящую оценку мировому общественному мнению и тем же возрастающим благородным усилиям американского народа, усилием его трезвых общественных и политических деятелей, борющихся против «холодной войны», за установление доверия между всеми государствами.

В нашей борьбе за мир воодушевляет то, что не только общественные силы различных стран, но и многие государства избрали светлый путь, по которому, мы верим, пойдут все народы мира. Об этом пути, выражая волю всего советского народа, говорил Председатель Совета Министров СССР Н. А. Булганин 21 июня на митинге в Москве, посвященном дружбе между Советским Союзом и Индией. Он сказал: «Советско-индийские отношения строятся на прочной и надежной базе. Они основаны на принципах взаимного уважения территориальной целостности и суверенитета, ненападения, невмешательства во внутренние дела друг друга, равенства и взаимной выгоды, мирного сосуществования».

Эти принципы миролюбивой внешней политики были провозглашены Индией и Китайской Народной Республикой. Вследствие к ним присоединились Бирма и Югославия, а затем, как уже сказал здесь господин Неру, они были одобрены на Бангкокской конференции 29 странами Азии и Африки и вошли в принятую этой конференцией Декларацию об укреплении международного мира и сотрудничества. Советское Правительство также одобряет эти принципы и считает, что они могли бы стать общей платформой всех народов в деле поддержания и укрепления мира.

Советско-индийские отношения служат убедительным подтверждением правильности провозглашенного великим Лениным положения о возможности мирного сосуществования и сотрудничества государств с различными социально-политическими системами».

И верю, что все люди доброй воли горячо поддержат это важнейшее для дела мира заявление главы Советского правительства...

Советский народ глубоко верит, что Всемирная Ассамблея достойно выразит волю народов мира и поможет главам правительств на предстоящем совещании глубже понять, глубже прочувствовать напряженное бие сердца своих народов и всех народов, которые все выше и выше поднимают знамя мира над нашей планетой.

ки, — пишет Вишневский, — долбит против количества, монументальных «пирамид», «миллионов». Давайте же простую жизнь. Выше своей комнатной простоты они не могут подняться».

Стоит обратить внимание на еще одну характерную особенность этих писем Вишневского: Стремясь к наиболее полному социальному раскрытию материала, он изучает историю картин, работы В. И. Ленина, газеты времен гражданской войны. В поисках художественных средств он упорно размышляет об опыте спонсорства по искусству, обращается к смежным жанрам литературы и иным родам искусства. Читает «Войну и мир» для нахождения метода съемки, — пишет он режиссеру. «...Совету через Третьяковскую галерею ознакомиться с картинами — Бегров (Балтика), отчасти Тернер (туземцы)», — советует он.

Вот в этом единстве: неустанным собирания жизненного материала, философского осмысления изображаемых событий, критического размышления над путями, уже пройденными искусством советским и классическим, — родилось одно из значительнейших созданий нашего искусства...

Для нас непримемлем анализ художественного мастерства, как замкнутого в самом себе изучение художественной формы. Но, признав, что основой мастерства является изучение жизни, нельзя довольствоваться сопоставлением деталей произведения с частными фактами действительности. Степень философского осмысления материала — вот важнейшее слагаемое в мастерстве. Сейчас слан в архив примитивный критерий: «Так в жизни не бывает» — «теоретическая основа» лабиринтных статей и лабиринтных произведений. Различается не менее плоская формула: «Быть в жизни и так» — рецепт для создания уныло-фактографических книг и статей, написанных в их прославление.

Оба эти способа сопоставления жизни и литературы лишь внешне противоположны друг другу. По существу они одинаково примитивны и схематичны и одинаково противоположны методу социалистического реализма. Отвергнув их, мы должны особенно внимательно отнестись к проблеме изучения жизни писателем — во всей ее глубине и сложности — как основе основ художественного мастерства.

Хельсинки. ВСЕМИРНАЯ АССАМБЛЕЯ МИРА. На снимках: слева — помощник мэра города Лиона (Франция) Луи Виенна беседует с делегатами Вьетнама; справа — делегаты Италии Примо Тразини и Камилло Паскуали в перерыве между заседаниями. Фото В. Егорова

Избавить грядущие поколения от бедствий войны!

К 10-летию Организации Объединенных Наций

Десять лет назад в одном из красивейших городов мира — Сан-Франциско состоялась международная конференция, которая приняла Устав Организации Объединенных Наций и положила начало существованию этой организации. Конференция открылась в дни, когда весь мир с напряженным вниманием следил за исходом великой битвы на подступах к Берлину. Закончилась конференция 26 июня 1945 года, то есть уже после того, как все прогрессивное человечество отпело День Победы над гитлеровской Германией. Однако вторая мировая война еще продолжалась. Почти ежедневно с тихоокеанского театра войны в военные госпитали, расположенные в окрестностях Сан-Франциско, прибывали раненые американские морские. Они рассказывали о крайнем унынии японской обороны. О том же безумно свидетельствовали искореняемые американскими кораблями, безжизненные металлические коробки, стоявшие у шлюзов Мари-айленд.

Таким образом, конференция в Сан-Франциско происходила в дни войны. Человечество с надеждой стремилось к миру, к окончанию войны светлым будущему. Полотворное сотрудничество свободных народов, совместная борьба участников антигитлеровской коалиции во главе с Советским Союзом, Соединенными Штатами Америки, Великобританией против фашистской агрессии увеличивала эти надежды.

Сотни людей — делегаты, советники, эксперты, журналисты заполнили просторные залы, отведенные для работы конференции. Конференция носила представительный характер. Среди делегатов были не только виднейшие государственные деятели, но и представители важнейших политических партий ряда стран. Уполномоченный Коммунистической партии Китая, в качестве одного из представителей Китая, также поставил свою подпись под Уставом ООН.

В составлении делегации ряда стран, оставшихся в зависимости от империалистических держав, не могли еще говорить от лица своих народов. В 1945 году не было еще суверенной Индии, Бирмы, не было и некоторых других государств.

Активная роль Советского Союза в подготовке конференции в Сан-Франциско, в разработке Устава Организации Объединенных Наций, разумеется, не была случайной. Советский народ внес величайший вклад в дело разгрома фашистских агрессоров. Советское государство было душой антифашистской коалиции стран, объединившихся во имя благородных целей — ликвидации гитлеровской тирании и восстановления национальной независимости и попранных демократических прав народов. Тяжелый опыт второй мировой войны показал воочию не только целесообразность, но и полную возможность лояльного сотрудничества советского социалистического государства с капиталистическими державами на взаимовыгодной основе. После окончания войны, в мирных условиях, перспективны сотрудничество государств с различными социально-экономическими системами были тем более обнадешивающими.

Однако уже на конференции в Сан-Франциско делались попытки помешать установлению такого сотрудничества. Противники создания действенной организации безопасности старались отравить атмосферу конференции, создать неуверенность в успешном завершении ее работ. С первых дней конференции в Сан-Франциско они предвещали ей «кризис», они искажали позицию советской делегации.

Они цитировали, например, всероссийские выступления делегата Австралии, пытавшегося назвать новой международной организацией принципы Лиги Наций, которая, как известно, ни разу не смогла помешать развязыванию агрессии. Австралийский делегат и его единомышленники требовали подчинения Совета Безопасности Генеральной Ассамблеи ООН, отката от принципа единогласия великих держав и т. д.

Характерно, однако, что 10 лет назад, в Сан-Франциско, наскоки на проект Устава Организации Объединенных Наций исходили не от ответственных представителей вращавшихся кругов США, как это не раз бывало впоследствии, а от делегатов малых стран. Лишь словесные комментарии реакционной печати (в первую очередь американской) выдавали тот секрет подлинника, что австралийский делегат и его коллегия инспирируются не столько своими правительствами, сколько совсем другими, гораздо более влиятельными кругами.

В дни создания ООН мало кто осмеливался открыто обвинять себя противниками международного сотрудничества. Слишком свежи были в памяти и в сознании народов ужасы второй мировой войны.

Вышний председатель сенатской комиссии по военным делам Соединенных Штатов Америки сенатор Томас писал летом 1945 года: «Мари-айленд — один из островов в сан-франциско-ской бухте».

Главный редактор Б. РЮРИКОВ. Редакционная коллегия: Б. АГАПОВ, А. АНАСТАСЬЕВ, Н. АТАРОВ, Г. ГУЛИЯ, А. КОРНЕЙЧУК, В. КОРОТЕВ, В. КОСОЛАПОВ (зам. главного редактора), Б. ЛЕОНТЬЕВ, В. ОЗЕРОВ (зам. главного редактора), К. ПАУСТОВСКИЙ, Н. ПОГОДИН, С. СМЕРНОВ.

Основа мастерства

(Окончание. Начало на 3-й стр.)

лишь эпизод из жизни рыболовов. Пусть просит талантливый рассказчик резкость оценки: больно видеть, когда зарывшиеся разминаются на пустяки.

Можно возразить, что «Подледный лов» Ю. Нагибина — произведение, так сказать, «проходное», которому трудно выдержать груз больших требований.

Но рассказ достаточно характерен. За последнее время, особенно в этом жанре, появилось немало произведений, где есть точные зарисовки быта, метко схваченные интонации живой речи, но глубокого осмысления действительности нет, а значит, нет и большой правды жизни.

Ограниченность такого рода мастерства ощущается особенно сильно, сравнивая вещи этого рода с прозой, где все те положительные качества, о которых мы только что говорили, сочетаются с глубоким пониманием внутреннего смысла явлений.

«Новый мир» начал недавно публикацию повести Бориса Горбатова «Алексей Гайдаша». Мы познакомились с произведением в целом по рукописи. Нет сомнения, что, когда читатель познакомится с повестью целиком, нужно будет ее обстоятельно разобрать.

Пока что мы хотим сказать о ее важнейшей, о ее решающей особенности. Сюжет повести составляет история армейского воспитания и перевоспитания Алексея Гайдаша — комсомольского работника, отставшего от бурного хода жизни. Действие происходит в первые годы первой пятилетки. В описании первого похода, и первого дня в казарме, и первых учений с полной выкладкой не только сверстники Гайдаша, но многие поколения, прошедшие через суровую и святую армейскую школу, узнают и зоркие внешне черточки и незабываемые душевные переживания.

Но мастерство, но великолепная точность зарисовки для Горбатова не самоцель. Они подчинены главной задаче повести — показать воспитание молодого солдата как гражданское воспитание.

Неразрывный связь между сбором материалов, кропотливым изучением деталей и его философским осмыслением можно хо-

рошо проследить в письмах В. Вишневского режиссеру Е. Дангану в процессе работы над сценарием «Мы из Бронштадта».

Бывалый человек, отлично знавший жизнь армии и флота, был войной, он не утомил в поисках жизненных подробностей. Вот одно из писем к режиссеру: «...Перед боем: закусают; перочинным ножиком один режет хлеб на крошечные кусочки и в рот... Двое играют в шашки: «Вам сортирник будет!...». Один заминает, шотелет рубашку; третий врет чай; костерик в охоне и так далее... Коротышка чистит винтовку: «Во, женка — любит ласку, чистку и смазку». (Уже есть тип, язык, штрих!)...»

Можно было бы написать, можно было бы снять сцены, воплотить все эти точно увиденные детали, прозаические подробности, сопереживаясь в их передаче и полагая, что на этом и завершается художественное мастерство. Но для Вишневского здесь оно только начинается. Это всего лишь первая ступень мастерства.

Одновременно с неутомимыми поисками правды деталей, красок, объемов, звуков (одной только звуковой палитры фильма Вишневский посетил несколько страниц своих писем) идет напряженнейшее философское осмысление материала.

Вишневский пишет режиссеру: «Доводит надо до шекспировских дедазий: дать образ натуральнейшей борьбы бояца, коллектива с собой, с врагом, со стихиями. Через эти установки Вы дадите образ эпохи в целом, предвосхитите и будущую войну, дадите и пятилетку. Индивидуальное в непервой борьбе и в борьбе трудностей: против «я», против азарта, против жалости, против голода, против врага, против стихий!...»

«...Весь фильм — как крупнейшее сражение день и ночь с врагами, нападением отовсюду!».

Нельзя не увидеть, как актуальны эти высказывания Вишневского более чем двадцатилетней давности. Они направлены и против абстрактного, умозрительного искусства: «точно воспроизводить!...» — призывает писателя. Больше важнее — «показать жизнь!... Советуя пройти с пехотой (в лагере по полю)». — и найти в жизни необходимые детали». Но они не менее полемичны и в отношении искусства приземленного, искусства «с мордой, упершейся вниз»: «взвизгивающие нами крити-

«Литературная газета» выходит три раза в неделю: во вторник, четверг и субботу. Адрес редакции и издательства: Москва И-51, Цветной бульвар, 30 (для телеграмм — Москва, Литгазета). Телефоны: внутренней связи — К 4-84-28, К 4-72-88, международной связи — К 4-03-48, науки — Б 3-27-51, отдел информации — К 4-08-69, писем — Б 1-15-23, издательство — К 4-11-68. Коммутиатор — К 5-00-00.

Типография «Литературной газеты», Москва И-51, Цветной бульвар, 30.